

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

М.Р. ШУМАРИНА

г. Балашов

«Я еще не заакадемичился...»

(Литературная биография В. Маяковского «Я сам»)*

Автор статьи анализирует жанровое своеобразие литературной автобиографии В. Маяковского, ее композиционные и языковые особенности.

Ключевые слова: *филологический инструментарий; прозаическая строфа; ритм прозы; фактографичность; иронический контекст.*

Современная филология, избавленная от необходимости сверять свои выводы с идеологическими критериями, демонстрирует пристальный интерес к творчеству Владимира Маяковского. После интерпретаций советского периода, мифологизировавших Маяковского как величайшего из поэтов, после радикальных трактовок постсоветской критики и литературоведения, развенчивающих «сталинского протеза», после десятилетий ставшего уже стереотипом резкого противопоставления «дооктябрьского» и «послеоктябрьского» творчества Маяковского сегодня мы вновь открываем для себя этого удивительного поэта¹. Использование филологического инструментария позволяет

нам осмыслить творчество Маяковского как уникальное художественное явление.

Текст литературной биографии «Я сам» интересен для филолога не только содержанием (рассказ художника о себе от первого лица), но и особенностями композиционного и речевого оформления, которые определяют жанровое своеобразие произведения.

Корпус биографии состоит из небольших главков, частей, графически выделенных и снабженных заголовками микротекстов объемом от одной строки до половины страницы. В синтаксическом отношении каждая такая часть представляет собой одно, реже два или три сложных синтаксических целых, иначе говоря прозаических строф [Солганик 2005: 38–39], большинство из которых напоминает лирические миниатюры, своего рода «стихотворения в прозе», характеризующиеся законченным лирическим сюжетом. Они, конечно, стилистически далеки от лирико-философской манеры традиционных русских стихотворений в прозе, но очень близки своеобразному строю лирики Маяковского с его лаконизмом, фактографичностью и подчеркнутым антиэстетизмом. «Лиричность» таких сюжетов отнюдь не

* Статья публикуется в рамках проекта «Изучение языка и стиля художественных произведений».

¹ Заслуживает внимания исследование М.В. Покотыло, подробно и глубоко анализирующее историю интерпретаций творчества В. Маяковского отечественными литературоведами и критиками [Покотыло 2008].

Шумарина Марина Робертовна, доктор филол. наук, зав. кафедрой русского языка Балашовского ин-та (филиал) Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: Mshumarina@yandex.ru

очевидна, поскольку текст носит повествовательный характер, однако сам автор обращает внимание на нестандартный характер текста и дает читателю некоторые ключи, приближающие его к адекватному восприятию авторского замысла:

... Многие говорили: «Ваша автобиография не очень серьезна». Правильно. Я еще не заакадемичился и не привык нянчиться со своей персоной, да и дело мое меня интересует, только если это весело... («1928-й год»).

Это можно понимать так: «Я сам» нарушает общепринятые каноны жанра, который должен ориентироваться на стилистические традиции документа, – текст включает в себя явно выраженный игровой («не очень серьезный», «веселый»²) элемент.

Говоря о художественных особенностях данного текста, можно обратить внимание на принципы организации микротекстов, своеобразии внешней и внутренней композиции, на особенности образа автора (лирического героя³), на специфику организации временного плана произведения и на используемые в тексте средства художественной выразительности.

Продолжая мысль о строфическом принципе построения микротекстов и о близости некоторых из них к стилистике стихотворений в прозе, обратим внимание на те признаки, которые делают эти главы похожими на лирические мини-

² Слово *весело* в этом контексте представляется одним из ключевых: в «Я сам» оно связано с поэтическим мастерством (...лучше *Белого* я все-таки не могу написать. Он про свое весело – «в небеса запустил ананасом»... – «Так называемая дилемма») и с идеей новой поэзии, борьбы, эпатажа, «пощечины» традиционным вкусам.

³ Полагаю, в данном случае допустимо (хотя и с некоторыми оговорками) использовать понятие «лирический герой». Маяковский как автор текста, субъект повествования и Маяковский-поэт как объект изображения не вполне равны друг другу. Маяковский-объект – это субъективно окрашенный автопортрет автора, но все же не сам автор. Соотношение реальной фигуры Маяковского и изображаемой в «Я сам» личности поэта в большей мере напоминает соотношение автора и лирического героя в поэтическом произведении, чем, например, соотношение автора и героя в автобиографической прозе (см. об этом исследование «Поэтика русской автобиографической прозы» [Николина 2002]).

атюры. Прежде всего, это наличие особой интонационно-ритмической оформленности, которая определяется синтаксической организацией прозаического текста. В микротекстах «Я сам» встречаем следующие средства ритмизации:

а) различные способы визуального «квантования» информации, например, нестандартное абзацное членение, использование формата списка:

СОСТАВ СЕМЬИ

Отец: Владимир Константинович (багдадский лесничий), умер в 1906 году.

Мама: Александра Алексеевна.

Сестры:

а) Люда.

б) Оля.

Других Маяковских, по-видимому, не имеется;

б) парцелляция:

...Пошел к Келину. Реалист. Хороший рисовальщик. Лучший учитель. Твердый. Меньющийся... («Начало мастерства»);

в) синтаксический параллелизм:

...Крепость четырехугольничается крепостным валом. В углах валов – накаты для пушек. В валах бойницы. За валами рвы. За рвами леса и шакалы. Над лесами горы... («Корни романтизма»);

г) анафора (единоначатие):

...Еще: написаны – сценарии и детские книги.

Еще продолжал менестрелить... («1927-й год»);

д) риторические вопросы, маркирующие текст как эмоциональный:

...нужен опыт в искусстве. Где взять? Я неуч. <...> Если из меня вытряхнут прочитанное, что останется? Марксистский метод. Но не в детские ли руки попало это оружие?... («Так называемая дилемма»);

е) ряды однородных членов:

Пробиваясь сквозь все *волокуты, ненависти, канцелярищины и тупости* – ставлю второй вариант мистерии. Идет в I РСФСР – в режиссуре Мейерхольда с художниками *Лавинским, Храковским, Киселевым* и в цирке на немецком языке для III конгресса Коминтерна. Ставит *Грановский с Альтманом и Равделем*. Прошло около ста раз... («21-й год»);

ж) фонетические повторы:

Первое сражение. Вплотную встал военный ужас. Война отвратительна. Тыл еще отвратительней. Чтобы сказать о войне – надо ее видеть... («Август»).

Среди микротекстов встречаются миниатюры со сложной интонационно-ритмической организацией, которая служит инструментом не только выразительности, но и изобразительности. Так, интонационное оформление может использоваться для подчеркивания семантической оппозиции:

СОЛДАТЧИНА

Паршивейшее время. Рисую (изворачиваюсь) начальниковы портреты. В голове разворачивается «Война и мир», в сердце – «Человек».

Интонационный рисунок этой миниатюры складывается из двух ритмически неоднородных частей. Первое предложение (короткое, нераспространенное) и второе, содержащее только обязательные распространители и дополнительно паузированное при помощи вставной конструкции, при помощи отрывистой интонации, коротких синтагм скупо набрасывают штрихи унылого бытия. Синтаксическое построение третьего предложения (бессоюзное сложное однородного состава, с синтаксическим параллелизмом частей) и использование слова *разворачивается* (7 слогов) требуют более плавного ритма, более медленного чтения. Возможно, усилению этого ритмического противопоставления способствует и различная коннотированность однокоренных глаголов *изворачиваюсь* и *разворачивается*, которые вызывают в воображении контрастные образы: с одной стороны, быстрого и суетливого движения, а с другой – медленно расширяющейся панорамы. В трех предложениях стандартной длины автор описывает состояние души лирического героя как конфликт между внешним, видимым, бытием (временным, наполненным служением ложным ценностям) и напряженной внутренней жизнью духа, истинной жизнью художника, в которой – невидимо для постороннего глаза – зреют настоящие сокровища поэта – его стихи.

Лирическое начало микротекстов «Я сам» находит свое выражение и в компо-

зиции произведения. Композиция автобиографии – и внешняя (структура и расположение главок), и внутренняя (группировка и соотношение образов, смыслов) – predetermined точкой зрения автора. Текст, как и положено биографии, представляет собой повествование. Приверженец «литературы факта», Маяковский следует в изложении событий хронологическому принципу, хотя и замечает в главе «Память»: «...свободно плаваю по своей хронологии». Такой, казалось бы, незаметный композиционный принцип становится для автора приемом, который организует все семантическое пространство текста и позволяет выразить разнообразные оттенки авторской мысли.

Основное содержание автобиографии составляет последовательное описание событий жизни автора. Однако две главы, которые начинают текст (следовательно, занимают сильную позицию), выпадают из этой последовательности – они играют роль своеобразной преамбулы: в них автор делает несколько замечаний, принципиально важных для правильного восприятия текста читателем. Первая глава называется «Тема»:

Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном – только если это отстоялось словом.

Маяковский готовит своего читателя к тому, что речь пойдет в основном о нем как о поэте – остальные «тематические вкрапления» возможны лишь в тех случаях, если это остальное «отстоялось словом».

Во втором микротексте, который называется «Память», Маяковский декларирует отказ от точной хронологии, не оспаривая слова Д. Бурлюка: «...у Маяковского память, что дорога в Полтаве, – каждый галошу оставит». Читая далее текст, мы понимаем, что автор отказывается лишь от чрезмерно точных внешних временных ориентиров, которые не играют решающей роли в его повествовании и которые он пародирует таким образом: *Сие написано 2 мая. Павловск. Фонтаны*. В то же время текст подчинен строгой внутренней хронологии, которая на прямую связана с главной темой: *Я – поэт... Об этом и пишу*.

Цель фактов, описываемых в литературной автобиографии, выглядит не просто как движение жизни Маяковского-человека, но как процесс формирования личности Маяковского-поэта. Ткань повествования складывается из событий, происходящих во времени и пространстве бытия, и событий, происходящих во внутреннем мире личности. Автор стремится – иногда даже нарочито и слишком прямолинейно – найти и продемонстрировать причинно-следственные связи между «внешними» событиями и «приобретениями» внутреннего мира. Один из характерных композиционно-стилистических приемов в «Я сам» – использование в концовках микротекстов такой логической модели: «Произошло нечто → (Это произвело на лирического героя некое / сильное впечатление) → С тех пор лирический герой имеет особое мнение (испытывает особое отношение, не любит, не доверяет...) по поводу чего-то, ассоциирующегося с описанными событиями и фактами». Чаще всего подобные замечания касаются формирования негативного или отличного от общепринятого отношения к чему-либо. Первое такое высказывание появляется в главе «1-е воспоминание»:

...«Родина» пришла. Раскрываю и сразу (картинка) ору: «Как смешно! Дядя с тетей целуются». Смеялись. Позднее, когда пришло приложение и надо было действительно смеяться, выяснилось – раньше смеялись только надо мной. Так разошлись наши понятия о картинках и о юморе.

И далее автор регулярно использует данную модель построения текста, вынося в концовку замечания, которые указывают на «духовные приобретения» лирического героя. Иногда такие замечания звучат вполне серьезно и даже психологически достоверно, и читатель готов поверить, что все так и было:

...Это была революция. Это было стихами. *Стихи и революция как-то объединились в голове.* («Нелегальщина»).

Иногда причинно-следственные связи между фактами кажутся несколько преувеличенными, и нередко в объяснениях Маяковского звучит явная гипербола; ср.:

...Мне объяснили любезные экзаменаторы, что «око» – это «глаз» по-древнему, церковнославянскому. Из-за этого чуть не провалился. *Поэтому возненавидел сразу – все древнее, все церковное и все славянское.* Возможно, что *отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм.* («Экзамен»).

Автор многократно эксплуатирует данный прием, выражая с его помощью целый спектр смыслов: от серьезного утверждения до самопародирования:

...Напечатал «Флейту позвоночника» и «Облако». Облако вышло перистое. Цензура в него дула. Страниц шесть сплошных точек.

С тех пор у меня ненависть к точкам. К запятым тоже. («Призыв»).

Такие концовки-выводы образуют в текстовом континууме своеобразную цепочку, которая играет важную роль в организации внешней и внутренней композиции произведения. Каждое звено этой цепочки – «кирпичик» в фундаменте личности поэта, объяснение тех или иных черт своеобразия этой личности. В этой последовательности актуализируются ключевые слова (смыслы) и отступают на задний план реальные и мнимые причины, серьезный или иронический контекст:

– «1-е воспоминание»: *Так разошлись наши понятия о картинках и о юморе* (читай: обнаружилось нестандартное отношение к языку изобразительного искусства и к юмору);

– «Дурные привычки»: *...узнал, что это поэтичность, и стал тихо ее ненавидеть* (другими словами: сформировалось отрицательное отношение к «лирическому вздору»);

– «Необычайное»: *После электричества совершенно бросил интересоваться природой;*

– «Нелегальщина»: *Стихи и революция как-то объединились в голове;*

– «Социализм»: *Хожу на Рион. Говорю речи, набрав камни в рот* (об увлечении революционной риторикой, о стремлении овладеть ею);

– «Чтение»: *Правилось, что книга срезана до букв... Эстетика максимальной экономии;*

– «Памятнейшая ночь»: *Родился российский футуризм;*

– «Следующая»: *В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом.*

Фактически эта смысловая цепочка во- площает доминанту образа лирического героя, в ней отмечены все ключевые смыслы, связанные с фигурой поэта: он бунтарь, революционер, противник «лирического вздора», человек, устремленный в будущее.

Еще одна особенность композиционной организации «Я сам» – противопоставленность двух временных планов. Автобиография была написана в 1922 г. и трижды издавалась (в журнале и в собраниях стихотворений поэта). В апреле 1928 г. для предпринятой Госиздатом публикации собрания сочинений Маяковский дорабатывает текст, доведя повествование до начала 1928 г. Добавленный фрагмент стилистически согласуется с последними микротекстами предшествующего варианта и придает тексту цельность и законченность с точки зрения авторского замысла. Теперь в произведении можно выделить две части, которые различаются композиционно и стилистически, но составляют единое целое. Поэтому в непосредственном читательском восприятии различия в речевом оформлении двух частей выглядят как изобразительный прием.

Две большие композиционные части, о которых идет речь, соотносятся с двумя временными периодами, этапами, на которые разделена жизнь Маяковского-поэта (в изображении Маяковского-автора). Первый этап – это, условно говоря, время подготовки к деятельности. С этим периодом связано становление личности, выработка ориентиров в жизни и искусстве, развитие мастерства, поиски тем для поэтического творчества. Второй этап – это период активной литературной и общественной деятельности, время значительных свершений. Между этими периодами нет резкой границы, а постепенный переход от одного этапа к другому (примерно начиная с главок, посвященных событиям 1918 г.) отмечен изменениями синтаксико-стилистического оформления.

Первый период показан словно в замедленной съемке: на ряде деталей автор останавливает внимательный взгляд и более или менее подробно комментирует их: вот картины детства, вот прогулка с

Бурлюком, вот история создания манифеста «Пощечина общественному вкусу», поездка в Куоккалу на выигранные 65 рублей, рассказ о желтой ленте и т.д. Один год плавно перетекает в другой, не всегда заметна календарная граница, событиям каждого года посвящено несколько главок. Именно к описанию этого периода относится, видимо, замечание автора о «несерьезности» биографии, поскольку именно здесь нередки иронические комментарии, многочисленные приемы экспрессивного оформления речи.

И вдруг время словно начинает бежать быстрее. Исчезают описательные контексты, больше нет места лирическим отступлениям и авторской иронии. Содержание главок становится более насыщенным, каждый год вмещает множество событий.

Противопоставленность временных планов выражена и при помощи глагольных форм. Если для первой части текста характерно использование форм прошедшего времени, то во второй части преобладают перфектные формы прошедшего времени (*написал, начал обдумывать* и т.п.) и формы настоящего (*пишу, езжу, читаю, продолжаю* и т.п.); много безглагольных (номинативных) предложений («*Кафе поэтов*» в *Настасьинском. Революционная бабушка теперешних кафе-поэтных салончиков. <...> Июнь. Опять Петербург*). Формы настоящего времени играют изобразительную роль: описывая действия, предшествующие моменту речи (т.е. замещаая глаголы прошедшего времени), они более наглядно передают динамику действия, а также делают акцент на одновременности нескольких действий; ср.:

1926-й год

В работе сознательно *перевожу* себя на газетчика. Фельетон, лозунг. <...>

Пишу в «Известиях», «Труде», «Рабочей Москве», «Заре Востока», «Бакинском рабочем» и других.

Вторая работа – *продолжаю* прерванную традицию трубадуров и менестрелей. *Езжу* по городам и *читаю*...

Очевидно, что смена временных планов связана с изменением мировосприятия лирического героя, который именно в после-

революционные годы ощущает огромный прилив сил, чувствует себя нужным, активно строит творческие планы и стремится жить полной жизнью «в сплошной лихорадке буден». Меняются и облик лирического героя, и его отношение к окружающей жизни. В первой части он фиксирует (хотя и без обиды, зачастую с иронией, а иногда и с азартом) неудачи, провалы, непонимание окружающих:

*Генералитет искусства ощерился. <...>
Совет «художников» изгнал нас из училища.
(«Разумеется»); Постановку трагедии «Владимир Маяковский» просвистели до дырок.
(«Веселый год»).*

Во второй части лирический герой говорит о том, что пришло время побед. То, что раньше не получилось, теперь получается.

Поэта увлекает «громадь планов», он реализует несколько масштабных проектов:

Организую издательство МАФ. Собираю футуристов – коммуны. («22-й год»); Организуем «Леф». (23-й год»).

Состояние окрыленности порождает невероятную работоспособность (*Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей*). Более широким становится творческий диапазон лирического героя (*Хочу и перейду со стиха на прозу. В этот год должен закончить первый роман*).

При том, что в «Я сам» противопоставлены два времени жизни лирического героя и сам он меняется с течением времени, можно отметить и наличие отчетливо выраженной доминанты в характере героя-поэта – это его эстетическая позиция, литературные вкусы. Эстетические пристрастия автора явлены читателю, во-первых эксплицитно – в виде многочисленных рефлексий на тему языка поэзии; во-вторых, реализованы как импликации, послужившие основанием для того или иного речевого выбора. Поэтому в автобиографии, как в капле воды, отразились наиболее важные, принципиальные для поэта воззрения на поэтическое творчество и наиболее характерные черты его стиля. При этом в «Я сам» нередко встречаются семантические переклички с образами стихотворений Маяковского.

Главные поэтические принципы, о которых Маяковский говорит в автобиографии и которым неукоснительно следует, – это сознательный антиэстетизм (с которым связана установка на прагматичность и лаконизм выражения) и приоритет факта над литературным вымыслом. В одной из первых глав автобиографии Маяковский, говоря о детских впечатлениях от стихотворения М. Лермонтова, замечает: «Позднее я узнал, что это поэтичность, и стал тихо ее ненавидеть» («Дурные привычки»). Под поэтичностью в данном случае юный лирический герой подразумевает нечто красивое и совершенно непонятное. Далее автор неоднократно возвращается к теме «красоты» в поэзии, всякий раз подвергая «красивое» негативной оценке. Авторитеты в искусстве для молодого Маяковского – поэт Саша Черный (*радовал его антиэстетизм*) и немецкий живописец Г. Гольбейн (*терпеть не могущий красивенькое*).

Презрение к «красивенькому» сочетается у Маяковского с прагматизмом, отсюда – установка на намеренную антиэстетичность в угоду практической пользе: должно быть не красиво, а максимально понятно и удобно – подобно тому, как техническое устройство создается не для красоты, а для работы. Маяковский создает свое «техническое устройство» – стихи – для работы (*как... водопровод, сработанный еще рабами Рима*) и для борьбы (*...чтоб к штыку приравняли перо...*). А техническое устройство не обязательно должно радовать глаз или слух (идеи промышленного дизайна в то время еще не были популярны) – оно должно работать, пусть даже с грохотом и скрежетом. И чем менее оно красиво, тем более соответствует принципам новой эстетики. А самой высокой поэзией является та, которая непосредственно служит самым обыденным нуждам человека:

Один из лозунгов, одно из больших завоеваний «Лефа» – деэстетизация производственных искусств, конструктивизм. Поэтическое приложение: агитка и агитка хозяйственная – реклама. Несмотря на поэтическое улюлюканье, считаю «Нигде кроме как в Моссельпроме» поэзией самой высокой

квалификации. («23-й год»); Основная поэзия: против выдумки, эстетизации и психологизма искусством – за агит, за квалифицированную публицистику и хронику. («1927-й год»).

С принципом дэстетизации (прагматизма) тесно связано и требование лаконизма.

Провозглашенная приверженность антиэстетизму и «максимальной экономии» реализуется в стилистике самой автобиографии. Для речевого оформления микро-текстов характерен так называемый «короткий синтаксис»: активное использование номинативных и эллиптических (безглагольных) конструкций:

Перевал. Ночь. *Обстигло* туманом. («Необычайное»); Остановились в Разумовском. Знакомые сестры – Плотниковы. Утром паровиком в Москву. («Москва»);

неполных предложений:

Держал экзамен в торгово-промышленном подрайоне. Выдержал. Пропагандист. («Партия»);

парцеллированных конструкций:

Лучше всего – Баку. Вышки, цистерны, лучшие духи – нефть, а дальше степь. Пустыня даже. («Дорога»).

Помимо стандартных контекстуально неполных предложений Маяковский нередко использует конструкции, отклоняющиеся от языкового стандарта в силу лексической или грамматической неполноты. Так, неоднократно встречается использование субстантивированного прилагательного вместо субстантивно-адъективного словосочетания:

У «Родины» «юмористическое» приложение. *О смешных* говорят и ждут. («1-е воспоминание»); ...«Дон-Кихот». Вот это книга! Сделал деревянный меч и латы, разил *окружающее*. («Первая книга»); Читаю Жюль Верна. Вообще *фантастическое*. («Гимназия»).

Лаконизм достигается незамененностью позиции зависимого компонента цельного словосочетания (*Лето. Приезжает масса*. – «2-е воспоминание»).

Характерны для синтаксиса «Я сам» неполные предложения, в которых опущены средства синтаксического зацепления (они легко восстанавливаются читателем):

Приехала сестра из Москвы. [Она была] Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки. [Это]. Нравилось: [это было] очень рискованно. Помню [их] и сейчас... («Нелегальщина»).

Своеобразным средством «эстетики максимальной экономии» выступают авторские неологизмы Маяковского: *всяко-юродные сестры*, *выкрепло сознание* и т.д. В таких новообразованиях одно слово – как в полисинтетических языках – заменяет целую фразу: *Крепость очетыреугольнивается крепостным валом* («Корни романтизма») – в.м. «обнесена крепостным валом в форме четырехугольника»; *Россия понемногу откереничивается* («Август») – вместо «избавляется от влияния (власти) Керенского». К новообразованиям примыкают грамматические аномалии, которые, как правило, восполняют лакуны в дефектных парадигмах русских слов: *Тропка узейшая* («Необычайное») – вместо «очень, чрезвычайно узкая».

В приведенных примерах «эстетика максимальной экономии» достигается путем отступления от языкового стандарта, что может трактоваться как намеренное разрушение привычной эстетики.

Таким образом, анализ композиционных и языковых особенностей литературной автобиографии В. Маяковского «Я сам» позволяет выявить черты жанрового своеобразия данного произведения. Это автобиография, но не документ, а если и документ, то своеобразный, подчиненный авторской точке зрения и выражающий абсолютно субъективный взгляд автора на изображаемое. Поэтому литературная автобиография «Я сам» обнаруживает вполне определенные черты художественности и даже лиризма, соотносящиеся с основными чертами поэтики Маяковского.

ЛИТЕРАТУРА

Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. – М., 2002.

Покотыло М.В. В.В. Маяковский в оценке отечественной критики и литературоведения: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2008.

Солганик Г.Я. Стилистика текста. – М., 2005.